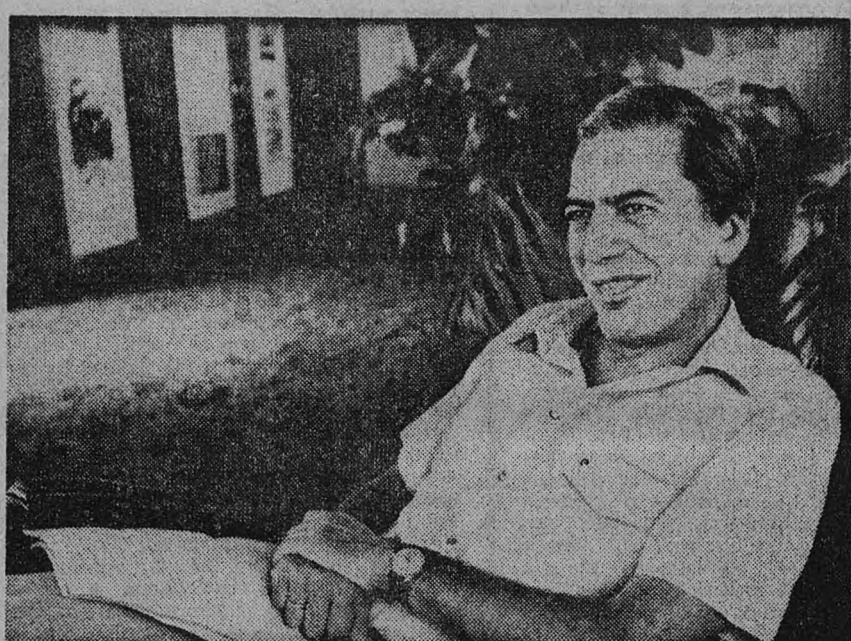

Марио ВАРГАС ЛЬОСА.

Фото А. КАРМЕНА

сколько об актуальных проблемах. О тех, с какими мы сталкиваемся и у нас в Перу, где сегодня действует весьма специфическая в идеологическом плане группировка под названием «сендеро луминосо». Ее члены долгое время поклонялись Мао, а теперь единственный идеолог, которого они признают, — это их лидер «камарада Гонсало». Уверовав в то, что они являются «представителями абсолютной истины», члены этой группировки поставили перед собой задачу — убивать. Они убивают, и их убивают. Такой холодной жестокости не знала история Перу. Эта позиция «сендеро луминосо» практически идентична позиции республиканцев в «войне канудос». И если так будет продолжаться, не исключено, что у нас произойдет нечто подобное событиям в Чили...

И здесь я хотел бы сказать следующее. Я всегда считал, что писатель может быть большим писателем и создавать значительные произведения, не участвуя при этом непосредственно в политической жизни и не занимаясь общественной деятельностью. Вернее, я не считаю это условие обязательным. Но в то же время в Латинской Америке писатель, как мне кажется, просто не имеет морального права стоять в стороне от социальных проблем. Ведь он находится в привилегированном положении уже потому, что умеет читать и писать, в то время как большинство населения неграмотно; у писателя есть трибуна для выражения его взглядов, в то время как перед многими такая возможность закрыта. Уже одно это обязывает писателя быть причастным к выявлению наболевших проблем, бороться против зла, начиная с социального неравенства и кончая диктатурой. Периоды демократии для нас — это как бы вздохи облегчения в бесконечном чередовании диктаторских режимов, различных по своему характеру, но тем не менее диктаторских. Поэтому моральный долг писателя — участвовать в борьбе за демократию. Другое дело, какой путь он для этого изберет. Выбор пути зависит от каждого в отдельности. Но молчание и безразличие к существующим в наших странах социальным проблемам — такая позиция недостойна писателя.

— Во всех ваших произведениях мир оценивается как бы с точки зрения жертв. Есть страдающие, но нет положительной программы и героев, которые противостояли бы миру насилия. Есть некая жестокая предопределенность бытия. Чем вы это можете объяснить? Неужели в мыслях своих вы не оставляете Латинской Америке надежды на перемены, на лучшую участь и считаете, что «апокалипсис», о котором вы как-то говорили, неизбежен?

— Думаю, что у Латинской Америки есть такая надежда. Иными словами, я не пессимист, который считает, что Латинская Америка обречена прозябать в нищете. Надежда на перемены существует, и она связана с борьбой, которой еще только предстоит развернуться. Вместе с тем, как мне кажется, нельзя сводить функцию литературы к педагогической, воспитательной. Существуют иные механизмы ее воздействия на людей, и результат тут во многом зависит от самого писателя. На мой взгляд, художественное произведение обладает большей ценностью и действенностью, когда оно реагирует на существующие проблемы в присущей литературе опосредованной манере. Не дело литературы морализировать или, говоря иначе, преподносить более или менее готовые рецепты. Такие рецепты следует искать не в художественных книгах, а в историческо-социальной практике. Литература же лучше справится со своей миссией, если будет волновать, возбуждать, будоражить публику, о чем я уже говорил. Человек, воспитанный на литературе — на хорошей литературе, гораздо более чувствителен к несправедливости, к посягательству на его свободу. И его гораздо труднее эксплуатировать и притеснять.

Но я не согласен с вами в том, что в моих произведениях встречаются одни только жертвы. Возьмем, к примеру, «Войну конца света». В романе я старался дать широкую панораму социального движения во всей его сложности. Там есть такой персонаж, как Консехеро, настоящий народный лидер. Пусть он во многом заблуждается, порой действует ошибочно, идеалистически смотрит на вещи, зато он близко к сердцу принимает страдания людей, остро чувствует несправедливость и борется с ней, как умеет. Или персонаж, о котором я уже упоминал, — близорукий журналист К нему постепенно приходит понимание. И он начинает замечать жестокость, неравенство, угнетение.

— В чем вы видите надежду на разумные перемены во всем мире? Что вы думаете как писатель о способности человечества найти в себе достаточно сил и разума, чтобы остановиться у края пропасти, к которой оно стремительно приближается, спасти мир от катастрофы и сохранить человеческую цивилизацию?

— Причин для оптимизма, прямо скажу, немного. С каждым днем в военных арсеналах накапливается новое оружие, причем все более мощное и ужасающее. Не видно не только никакого поворота вспять, но и торможения этого процесса. Я только раз в жизни чувствовал себя в этом плане оптимистом — в момент заключения хельсинкских соглашений. Мне показалось тогда — появилась возможность для человечества действительно эступировать на путь разума, на путь мирного сосуществования и поступательного развития. В тот момент у меня родились большие надежды. Сегодня же, к сожалению, я не могу назвать себя оптимистом...

— Неужели вы считаете, что у большинства человечества нет воли и тому, чтобы выжить?

— Почему же? Я считаю, что у человечества есть такая воля, и оно может оказать решающее влияние на тех, кто держит руку на кнопке. Но пока не будет заключено соглашение о прекращении гонки вооружений и о ликвидации ядерного оружия, все, что бы мы ни говорили, будет оставаться наивной риторикой.

— Ваш пессимизм вызывает огорчение. Если сложить руки и ждать...

— О нет, это нет!

— ...когда ракеты начнут падать на голову...

— Это было бы равносильно самоубийству. Нет, нет! Ни в коем случае не надо самоубийства. Борьба за мир, за то, чтобы затормозить безумие вооружения, должна занимать сегодня главнейшее место в жизни человечества. Я абсолютно убежден, что все мы должны прилагать к этому усилия.

— Вам, вероятно, известно о конкретных усилиях, которые предпринимает для достижения подобных соглашений Советский Союз. Еще в 1946 году наша страна предложила подписать международную конвенцию, объявляющую ядерное оружие несовместимым с совестью человечества. Наша страна выступила с предложением о всеобщем и полном разоружении. Это предложение и сегодня остается в силе. Более того, в последнее время Советский Союз в одностороннем порядке принял на себя обязательство не применять первым ядерное оружие. Возможно, вы читали недавние заявления советских руководителей по этому поводу?

— Нет, не пришлось. Здесь эти материалы не публиковались...

«Одна из первостепенных задач нашего времени — добиться, чтобы средства массовой коммуникации способствовали развитию культурной деятельности людей, а не тормозили ее».

— Насколько мне известно, большая часть информации, и прежде всего на международные темы, поставляется в перуанскую прессу американскими информационными службами, не так ли? В связи с этим хотелось бы спросить: что вы думаете о культурной экспансии империализма в Латинской Америке, и в частности в Перу? Какое влияние на развитие национальной культуры оказывает насаждение «массовой культуры», которое вы с таким сарказмом разоблачали в «Тетушке Хулии»?

— В вопросе о культурной экспансии следует избегать стереотипов. Я считаю очень важным, чтобы всякая страна была суверенна в развитии своей культуры и до конца защищала это свое право. Вместе с тем культурная изоляция не только не будет способствовать развитию культуры, но и будет прямо препятствовать ему. Иными словами, никакая культура не может быть по-настоящему современной, если она не обогащается постоянно за счет других мировых культур.

Однако существует опасность нашествия извне псевдокультурных форм. Взять, к примеру, пресловутые «телевизионные консервы» (телепередачи, записанные на пленку и рассылаемые в запаянных металлических коробках. — И. Х.). Бедные, слабо развитые страны, вместо того чтобы создавать собственные телепрограммы, зачастую предпочитают закупать то, что им сбывают богатые страны. Эти отходы телепродукции не имеют, как правило, ничего общего с подлинной культурой последних, а являются карикатурными, вырождающимися, коммерческими ее формами. И они оказывают разрушительное воздействие на культуру той страны, в которую попадают, деформируют, если хотите, ее культурное лицо, интеллектуально развращают телезрителей. Вот против чего надо всеми силами бороться.

Существенную роль играет тут экономическая сторона вопроса: коммерческому телевидению гораздо выгоднее закупать дешевые «телевизионные консервы», нежели создавать национальные программы. Часто в пользу этого приводится вообще глупый аргумент — заграничный товар мол, соберет больше зрителей. Это совершенная чушь! Но заставить понять это тех, кто контролирует средства массовой информации, будь то их владельцы — частные предприниматели или государственные бюрократы, — дело очень нелегкое. Однако за него надо бороться, обязательно надо бороться.

В этом смысле у меня был очень интересный опыт. На протяжении шести месяцев я готовил у нас в Перу культурную телепрограмму, которая называлась «Вавилонская башня». В этой программе мы не дали ни у кого на поводу. Мы брали интервью у писателей, показывали документальные фильмы на самые различные темы, в том числе и общественно-политические, мы доказали, что можно говорить о социальных проблемах, что можно говорить о мамбо, что можно говорить о других вещах серьезным языком культуры. Передача имела огромный успех, гораздо больший, нежели я и телевидение могли предполагать. Она дошла до широкого зрителя, ее ждали и смотрели представители самых различных слоев населения. И этот опыт был для меня поучителен.

Думаю, что одна из первостепенных задач нашего времени — добиться, чтобы средства массовой коммуникации способствовали развитию культурной деятельности людей, а не тормозили ее.

Ирина КУЗЕМИ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
ЛЯМА — МОСКВА